

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ

В сентябре 1917 года настроение в Петрограде было уже напряженное. Рабочие начали выступать смело. Активность масс выросла. Чувствовалось приближение серьезных событий.

Я получил через Надежду Константиновну записку от Владимира Ильича из города Выборга, где он проживал в квартирах тов. Латукка (финна), с предложением прибыть к нему и устроить ему безопасный путь в Петроград.

Мною было все выполнено, и мы с Владимиром Ильичем благополучно прибыли в Петроград.

Квартира, где он поместился, была найдена Надеждой Константиновной, с ведома Владимира Ильича, в доме служащего трамвайного парка у станции Ланской, на Выборгском шоссе. Хозяева квартиры были мне неизвестны. Из конспиративных же соображений я, конечно, не спрашивался, кто они. Для меня было вполне достаточно, что Владимир Ильич их знает. Видел несколько раз уже совершенно седую женщину, которая на данный мною условный стук открывала дверь и на мой вопрос, дома ли Константин Петрович (Владимир Ильич), пропускала меня в квартиру.

Впоследствии я был уже настолько занят, что совершенно забыл справиться, кто были люди, давшие Владимиру Ильичу приют при переезде его из Финляндии в Петроград.

Владимир Ильич по прибытии в Петроград лихорадочно принялся за работу. Писал несметное количество статей в «Правду», принимал некоторых товарищей и чаще всего имел беседы с тов. Сталиным. Посетил несколько собраний, созванных по его инициативе. Были собрания с членами ЦК. Помню собрание в Лесном, в доме районной думы, 16(29) октября при участии кроме членов ЦК еще многих ответственных товарищей. На этих собраниях Владимир Ильич поставил категорически вопрос о взятии власти.

Я на все эти собрания сопровождал его в качестве «телохранителя», «конвоира».

События назревали особенно быстро, и 23 октября (по ст. ст.) я отнес письмо Владимира Ильича, предназначенное для распространения по районам. В Выборгском районе письмо передал Жене

Егоровой, которая перепечатала его на машинке и разослала по районам¹.

Мне приходилось особенно тяжело, так как все данные Владимиром Ильичем поручения из-за плохих средств передвижения очень трудно подчас было выполнить, а выполнить было надо, иначе Владимир Ильич пробирал меня хотя и вежливо, но внушительно.

По его заданию я посещал заводы и собрания, на них знакомился с настроением рабочих, приносил ему копии принятых резолюций. Посещал казармы с той же целью, а вечером Владимир Ильич меня спрашивал подробно обо всем мною виденном и слышанном.

Наконец 24 октября (6 ноября) я получил сведения, что правительство Керенского намеревается развести все мосты по реке Неве. По городу были усилены патрули, мосты охранялись отрядами солдат.

Решил ехать к Владимиру Ильичу на квартиру.

Прибыв к нему, доложил о надвигающихся событиях, о том, что если войскам Керенского удастся развести мосты, то в одиночку каждый район будет разбит. Только на Выборгской стороне власть фактически была в руках Красной гвардии, которая хотя и не особенно хорошо, но все же была вооружена и достаточно спаянна. Имелся даже руководящий штаб. Владимир Ильич выслушал меня и заявил: «Да, сегодня должно начаться». Мы попили чаю и закусили. Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал.

Вдруг он заявил мне, что необходимо найти тов. Сталина, и как можно скорее. На это я ему заявил, что это невозможно, так как я не уверен в том, что можно будет застать его в редакции «Правды». Возможно, что он в Смольном. Идти в Смольный и обратно — надо потратить несколько часов, так как, по всей вероятности, трамваи уже не ходят. Придется идти пешком. По моим расчетам, раньше полуночи тов. Сталин не сможет прибыть.

Выслушав мои соображения, Владимир Ильич заявил: «Тогда пойдем мы в Смольный». Я его стал отговаривать от этого плана, доказывая всячески, какой большой опасности он себя подвергает, если кто-нибудь его узнает. Не понимал я тогда, что совершаю преступление по отношению к революции, отговаривая Владимира Ильича ехать в Смольный.

Владимир Ильич с моими доводами не согласился и категорически заявил: «Едем в Смольный».

Для безопасности решили все-таки замаскироваться. В меру

---

¹ В этом письме Владимир Ильич настаивал на решительных со стороны партии действиях, говоря: «Промедление в выступлении смерти подобно». Подлинник этого письма остался у меня, но во время моего пребывания в Финляндии затерялся. *Прим. автора.* (По-видимому, автор здесь ошибся в дате и речь идет о последнем перед взятием власти письме Владимира Ильича членам ЦК от 24 октября (6 ноября) 1917 г. (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436). *Ред.*)

возможности переменяли на нем одежду, перевязали щеку достаточно грязной повязкой, на голову напялили заваливающуюся кепку. У меня было в кармане припасено на всякий случай два пропуска в Смольный. Пропуска были очень грубо подделаны: резинкой подчищены бывшие надписи и взамен их написаны несуществовавшие фамилии членов Петроградского Совета, причем чернила расплылись, так что явно бросалась в глаза подделка. Все-таки за неимением лучшего решено было пробраться с имеющимися липовыми пропусками.

Было уже около 8 часов вечера, когда мы вышли из дому и пошли по направлению к Сампсониевскому проспекту.

Минут через десять нас у самой остановки нагнал трамвай, шедший в парк. Трамвай был почти пустой. Мы взобрались на заднюю площадку прицепного вагона и благополучно доехали до угла Боткинской улицы, где трамвай сворачивал для дальнейшего следования в парк. Пошли пешком. У Литейного моста на Выборгской стороне на охране стояли красногвардейцы в порядочном количестве. Прошли охрану. Нас никто ни о чем не спросил. Дойдя до середины моста, мы заметили на другом конце его солдат Керенского. Это была также охрана, требовавшая у прохожих пропуска. Пропусков, конечно, у нас не было.

Солдат окружили рабочие и вели с ними оживленный спор. Владимир Ильич, заметив рабочих, которых не пускали через мост, все-таки решил попытаться пройти. Подошли к группе спорящих. Оказалось, солдаты требуют пропуска, а у большинства, так же как и у нас, таковых не было. По словам солдат, пропусками нужно было запасаться в штабе. Рабочие были возмущены и отчаянно ругали солдат. Мы воспользовались спором и прошмыгнули мимо часовых на Литейный проспект, потом свернули на Шпалерную и направились к Смольному.

Мы прошли уже порядочное расстояние по Шпалерной, когда навстречу показались два верховых юнкера. Поравнявшись с нами, они скомандовали: «Стой! Пропуска!» Я шепнул Владимиру Ильичу: «Идите, я с ними сам разделаюсь». У меня в кармане было два револьвера. В грубой форме я вступил с ними в пререкания, заявляя, что никому не известно о том, что введены пропуска, а потому и мы, дескать, не могли таковых своевременно получить. В это время Владимир Ильич потихоньку отделился от нас. Юнкера угрожали мне нагайками и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей вероятности, они в конце концов решили не связываться с нами, по их мнению, бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера отъехали.

Я догнал успевшего уже отойти на порядочное расстояние Владимира Ильича, и с ним вместе мы пошли дальше.

Подошли к Смольному. У дверей его толпились люди. И вот тут выясняется, что пропуска членов Петроградского Совета, бывшие ранее по цвету белыми, переменены на красные. Это препятствие

было уже похуже, к тому же в ожидающей толпе не было никого из наших товарищей. Толпа ожидающих возмущалась невозможностью пройти в Смольный. Я же возмущался больше всех и громче всех, негодуя, размахивал в воздухе своими липовыми пропусками и кричал, как это меня, полноправного члена Петроградского Совета, не пропускают. Я кричал впереди находившимся товарищам, чтобы они не обращали внимания на контроль и проходили, а в самом Смольном мы разберемся. По примеру карманников я устроил давку. В результате контролеры были буквально отброшены. Мы вошли в Смольный, прошли во второй этаж. В конце коридора, у окна, рядом с актовым залом, Владимир Ильич остановился, послав меня искать тов. Сталина. Я его разыскал, и вместе мы вернулись к Владимиру Ильичу.

Так как разговаривать в коридоре было неудобно, мы прошли в комнату рядом с актовым залом. В комнате посередине находился стол, по сторонам стола — стулья. Владимир Ильич уселся на стул в конце стола, лицом к дверям зала; тов. Сталин и я — слева от него. Тов. Сталин информировал Владимира Ильича о совершившихся событиях.

Во время разговора из актового зала, где проходило заседание Совета, вошли в нашу комнату три человека — сливки меньшевиков, лидеры их партии Дан и Либер, а с ними, кажется, Гоц (эсер). Один из них (кто именно — не помню) из пальто, висевшего здесь, вынул сверток, приглашая прибывших с ним субъектов закусить, так как у него, по его заявлению, есть булка с маслом, колбаса и сыр. Ведя разговор между собою, они совершенно не обращали на нас внимания. Взятый из кармана пальто сверток разложили на противоположном конце стола, за которым сидел Владимир Ильич. Развертывавший пакет поднял голову и тут только узнал Владимира Ильича, несмотря на его повязку. Страшно смутился, поспешно собрал свою снедь, и все трое, как настеганные, вышли в актовый зал. Этот случай привел Владимира Ильича в веселое настроение, и он от души хохотал.

Мы тоже вышли, отправившись в одну из комнат Смольного, куда к нам вскоре пришло много товарищей из руководящего ядра партии, приступив без лишних слов к делу — обсуждению создавшегося положения.

В это время в городе шел бой. Отлично слышна была ружейно-пулеметная пальба.

В актовом зале заседание было закончено: меньшевики торопились к выходу, сознавая, что их карта бита.

Около полуночи было назначено заседание Петроградского Совета¹. Члены Петроградского Совета не расходились. Заседание началось речью председателя, который при абсолютнейшей тишине объявил: «Власть Керенского свергнута. Часть министров

---

¹ Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (экстренное) открылось 25 октября (7 ноября) в 2 часа 35 минут дня. *Ред.*

арестована. Оставшиеся не арестованными будут в скором времени арестованы». Слова эти были встречены аплодисментами.

После этой речи председательствующий заявил: «Слово предоставляется Владимиру Ильичу Ленину». Что произошло в зале от взрыва восторга и энтузиазма присутствующих — я описать не могу. Во всяком случае, ружейно-пулеметной стрельбы слышно не было, ее заглушали аплодисменты, которые длились несколько минут, пока не дали наконец возможность говорить Владимиру Ильичу.

По окончании заседания направились в нижний этаж. Там собрались, кроме Владимира Ильича, товарищи Сталин, Ногин, Милютин и др., а следом за ними и я — во исполнение своих обязанностей охраняющего Владимира Ильича.

Все расселись на стульях за столом, для меня же стула не оказалось, и я уселся на полу у двери, в уголочке, поджав колени к подбородку.

Разговор у товарищей шел об организации правительства. Встал вопрос о том, как назваться: министры — это название считалось неподходящим. Кто-то предложил название «комиссары», «народные комиссары». Так и порешили. Потом стали персонально назначать на должности.

Все это время я сидел в углу и слушал.

Мое дело было закончено, и я оказался «безработным».

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. Изд. 3-е. М., 1984, т. 2, с. 436—440